

КОГДА уходит большой музыкант, сын и певец своего времени, навсегда остаются людям нетленные нотные строки.

А каким он был человеком среди нас?

Здесь, наверное, дороги каждый штрих, каждое воспоминание, как бы они ни казались обыденными при жизни великого художника.

Дмитрий Дмитриевич Шостакович любил футбол. Это было серьезное и многолетнее увлечение. Любопытно, что наше знакомство началось с того, что резиновый мяч, пробитый белокурым сынишкой композитора Максимом, угодил мне в грудь: я пришел как раз в разгар семейного матча в коридоре квартиры.

Футбол, как известно, сближает быстрее и надежнее, чем самые долгие разговоры. Помнится, полчаса не прошло, как мы уже сидели с Дмитрием Дмитриевичем над массивной книгой в картонном переплете, листали, не торопясь, страницы, исписанные мельчайшим и, по правде сказать, не слишком разборчивым почерком композитора. Перед нами проходила своеобразная, очень подробная летопись выступлений ленинградских футболистов во всесоюзных чемпионатах: их место в итоговых таблицах, результаты встреч с соперниками, имена счастливых, сумевших на такой-то и такой-то минутах забить гол...

Летопись футбольных событий была прервана войной, блокадой. Конечно, я знал, как знали все, что этот хрупкий на вид музыкант в больших очках, голдая и холодая в родном осажденном городе, нес по ночам дежурство на крыше, сбрасывал «зажигалки» —

И вот короткая история одной из таких строк.

...В тот погожий день, казалось, ничто не предвещало внезапного ухудшения погоды. В небе — ни облачка. Еще за неделю мы условились, что я зайду за Дмитрием Дмитриевичем на репетицию и мы вместе отпра-

зительнейшие, нервные руки музыканта, выдавали порой непрерывное страстное волнение, которое он испытывал. Иногда слышался легкий хлопок в ладони. С разбега упирался в этот хлопок громадный оркестр. Маленький худощавый человек быстро всходил на эстраду,

отдано в эти часы, все без остатка...

— Кстати, мы с вами не опаздываем?..

Конечно, мы опаздывали. Предстояло пересечь весь город, а времени до начала футбольного матча оставалось в обрез.

Мы все же успели на ста-

альные глаза горели жаркой и ясной страстью.

И вдруг хлынул дождь... Да какой! Вмиг трибуны зашестели газетами. Но разве могли спасти бумажные листы от такого веселого и яростного ливня? Через минуту или две все мы промокли насквозь. Я предложил: «Может, уйдем, Дмитрий Дмитриевич, переждем где-то тут?..». На меня глянули полные укоризны глаза из-под мокрых стекол очков: «Что вы?.. Как можно?.. И потом, посмотрите, вон там уже голубеет кусочек чистого неба!..».

Кусочек голубого, омытого дождем неба ширился. Вот он уже зажегся проглотившим солнцем, еще более ярким и теплым, чем до дождя, остро запахло нагретой травой газона футбольного поля...

«Зенит» тогда победил. Мы возвращались со стадиона в тесной толпе, обходящей интересный боевой матч, толпе молодой, говорливой.

— Бесподобно! — повторял Дмитрий Дмитриевич, крайне довольный только что пережитым.

Мне, помнится, тогда подумалось: может быть, и не была бы столь могучей поражающая наше воображение творческая сила великого музыканта, если б не эти короткие счастливые минуты простых и милых сердцу волнений?

Михаил АЛЕКСАНДРОВ.

из записной книжки журналиста

СИМФОНИЯ И МЯЧ

был солдатом гражданской обороны. И, согревая озябшие руки теплом своего дыхания, писал музыку, ту самую Ленинградскую симфонию, которая поведала всему миру о бессмертии мужества советского человека.

Теперь война приближалась к концу. На стадионах страны все более оживлялась спортивная жизнь, притихшая в безмерно суровые годы.

— Смотрите, как отлично продвигается ленинградский «Зенит» в розыгрыше Кубка СССР!

В летописном фолианте Дмитрия Дмитриевича Шостаковича появились новые строчки...

внимся на стадион в Черкизово, на футбольный матч с участием ленинградского «Зенита».

Я пришел пораньше в Большой зал консерватории. Репетиция была в разгаре. Симфонический оркестр репетировал новое монументальное произведение Шостаковича — Восьмую симфонию. Дирижер и оркестранты поснимали пиджаки: громадность глубочайшего философского произведения, полного тончайших нюансов, высилась грядой горных пиков, которые предстояло оркестру одолеть.

Дмитрий Дмитриевич, как всегда на репетициях, был предельно деликатен. Сидел тихо в одном из рядов зала. Пожалуй, только руки, выра-

что-то говорил дирижеру, сопровождая сказанное дружеской и какой-то застенчивой улыбкой, словно ему было безумно жаль, неловко вот так прерывать ансамбль таких чудесных музыкантов: «Видите ли, мне здесь хотелось бы...».

Дирижер и оркестранты понимали все.

Так они вместе, творец музыки и ее первые исполнители, одолевали симфонию вершину за вершиной, такт за тактом. Солнце, дробясь в хрустальных подвесках люстр, молодило старый концертный зал.

Изнуренность? Да, именно это слово первым пришло на ум, когда после репетиции я взглянул на Дмитрия Дмитриевича. Все им было

дион. Прибежали перед самым началом встречи, заняли места где-то на верхотуре.

Интереснейший выдался матч. Ленинградские футболисты играли превосходно. Они вели атаки справа и слева, широко, настойчиво, можно сказать, вдохновенно. Московская публика горячо поддерживала ленинградцев, сознательно или подсознательно отдавая дань спортсменам героического города. Я поглядел на Дмитрия Дмитриевича, тесножатого аплодирующими, кричащими что-то в азарте соседями. Что тут говорить: конечно, он был счастлив, как мальчишка! Сидел молча, только глаза под большими стеклами очков, при-